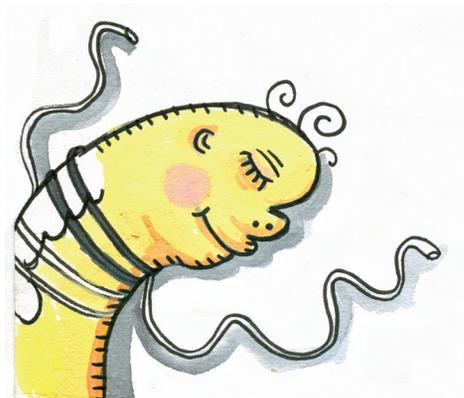

ШЖКА
СТИШКМ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ДУРАКОВ

РИСУНКИ
КРИСТИНЫ
РАДОВОЙ

СМЕРЬ
СТУК

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2 Рос=Рус)6-5
У52

Иллюстрации *Кристины Радовой*

Умка (Аня Герасимова)
У52 Стишки для детей и дураков / Умка. — М.: ОГИ, 2012. — 64 с., ил.
ISBN 978-5-94282-670-3

В книгу вошли стишки, написанные большим поэтом XX—XXI веков Аней Герасимовой (Умкой). Формулировка «для детей и дураков» беззастенчиво позаимствована ею у Даниила Ивановича Хармса. Беспорядочность пунктуации считайте данью филологическому прошлому автора. Издание снабжено уникальными иллюстрациями, выполненными крупной художницей Кристиной Радовой.

Предназначено для широкого круга.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2 Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-94282-670-3

© А. Герасимова, текст, 2012
© К. Радова, иллюстрации, 2012
© ОГИ, 2012

Пока цветочки не пожухли
Пока их стебель не повисл
Пока во всей этой движухе
Виднелся некий смысл,

Пока поэты жгли некисло
И ловко, и хитро
Казалось, никакого смысла
Хвататься за перо

Но авангарда век недолог
Советский кончился союз
И я при виде книжных полок
Зеваю и плююсь

Ни ветерка над мертвой зыбью,
И сети праздные легки,
Но как сверкают на безрыбье
Мои стишки!

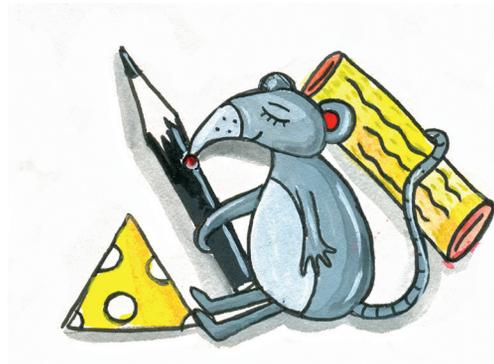

Губительно литература
Корежит женский индивид.
Когда я не пишу — я дура.
Когда пишу — я инвалид.

Болят шальная поясница,
Пируют мыши в голове...
Усну ль — опять футбол приснится,
Хоккей и завтрак на траве.

У женщины-писателя бывает
Короткая, но длинная пора:
Весь день болтаешься, как ручка от трамвая,
И лучезарны вечера.

Сидишь, глядишь, как милый ест картошку,
Молчишь, лицо ладонью подперев,
И думаешь: а ну его в лукошко!
Вот канарейку выпущу в окошко —
Пускай летает, желтая, как лев.

Свобода стала роком,
Свобода стала раком,
И вот, забытый Богом,
Скитайся по клоакам
С осыпавшимся маком
В опущенной руке
И Джеком Керуаком
В потертом рюкзаке.

Женщина-Моисей
Богом своим отмеченная
Ну-ка иди и сей
Разумное-доброе-вечное

Женщина-Авраам
Родом своим не принятая
Скидывай по дворам
Тексты свои на принтере

Женщина-Мандельштам
Как без надежды выживешь
Хвори бессонной штамм
Хуже чем даже живопись

Женщина-Циммерман
Трудно тебе без совести?
Голову спрячь в карман
Слишком она высовывается

Наш паровоз, минуя вечность,
Пришел на станцию Крестцы.
Прощай, дурная бесконечность,
Привет, счастливые концы!

Я так люблю ваш бойлер с краником,
И дым спаленного жнивья,
И чай в стакане с подстаканником,
И запах свежего белья,

И смутный разговор по рации:
Мол, не приедем никогда...
Нет, согласитесь, авиация
Совсем не то, что поезда.

Пусть виснет времени течение,
Пусть паровоз залип в бетон,
И все же к месту назначения
Прибудет медленный вагон.

А там, возможно, пересадка,
И пенье рельс, и стук колес...
И снова крепко, снова сладко
В стакане чай, в руке тетрадка,
И за окном несется пес.

Н. Заболоцкому

Тело душу изловило,
В душеловку посадило,
Стало думать да гадать,
Как бы душу наказать.
А душа, поджавши лапки,
Смирно кутается в тряпки;
Знает: если захочу,
Прямо в небо улечу.
Не стерпела — захотела,
И ни с чем осталось тело.
Смотрит в бледное окно,
Плачет, бедное, одно,
Волосатое, мясное,
С душеловкою пустою.

Время в ванной течет по-иному
Время в ванной течет, как вода
Человек, арестован истомой,
Не стремится уже никуда.
Если, скажем, душа заболит
Если в теле какая беда —
Только ванна кругом забелеет,
Все недуги пройдут без следа.
Даже боязно выйти из ванной:
Вдруг прошли не часы, не года,
А прошло уже все, навсегда,
И вокруг золотою нирваной
Простирается лишь пустота?

Шакал в шоколаде и шкалик вдогонку
Подайте ребенку, он тянет ручонку
Свою шаловливую к нашей шале
Не жалко, да ноль в кошеле

Игла, точно шило, пронзившая плоть,
Хотела бы сшить или просто сколоть
Края зазевавшейся ракушки тела
Чтоб шибко наружу душа не глядела

Вот и кончилось масло,
Вот и кончились щи.
Жизнь еще не угасла,
Но потребность почти.

Мне не надо пирожных,
Мне не надо тортов,
От гарниров я сложных
Отказаться готов,

Я не дую винища,
Не курю ничего,
И духовная пища
Мне дороже всего.

Пока тебя нет
Из меня поспешно
Вылезают стишки

Привет pošлю я, став старухою,
Мужам ученым и мадам:
Рюмашку хлебушком занюхаю
И дневники свои издам.

И долго буду им любезна я,
Седая старая карга,
Пока висит еще над бездною
Моя последняя нога.

Деньги можно подарить
Деньги можно потерять
Деньги можно прокурить
Деньги можно прокирять
Можно их закинуть в речку
И проездить на такси
А можно просто бросить в печку
Как ведется на Руси

У неба звездная болезнь
Ему высокая труба
Хотелось бы туда залезть
Да снова выйдет не туда
Труби трубач у врат зари
О трубах, что горят внутри
О звездах, что горят вдали
Задаром, а не за рубли
О тех, кто это прорубил
И миг свой насквозь протрубил

Превращусь от холода в дуб
Обрасту проливной корой
Я снимаю последний дубль
Для тебя это дубль второй

Мы с утра уползем, как краб
В море плюх! и поди поймай
А пока что с ночевкой трабл
Влажный лес и прохладный май

Человек позабыл, где спать
И пытается спать в лесу
И при этом стишки кропать,
Сонный мозг держа на весу

Сказано — сделано, слажено, сбито,
Смазано, склепано, сыграно, спето.
Словно та бабка, сиди у корыта,
Жди у просторного моря ответа.

Рыбка, а рыбка, куда уплыла?
Лодочка-зыбка, куда повернула?
Бабка храпит, над корытом уснула,
Скачет пластинка, заела игла.
Жир на пустой сковородке шкворчит,
Парус далекий в тумане торчит,
Небо как рыба молчит.

Обледенелое снаружи,
Несется транспортное средство,
Летит куда-то среди стужи
И не дает нам оглядеться,
И не дает нам оглянуться
И вынуть мысль из тьмы и дыма,
Что для того, чтобы проснуться,
Сперва заснуть необходимо.
Но точно пассажир нежданный
Летит с поломанного трапа,
Слетают с полки окаянной
Куски отчаянного храпа.
Не рыть пространство жадным взглядом,
Заснуть-проснуться на отлично...
Ах, только б не храпели рядом,
Куда мы едем — безразлично.

Кто не рожден — не много потерял.
Наверное, он просто не хотел
Попасть в тупую сутолоку тел,
В нелепый человеческий матерьял.

Неси меня, небесный тихоход,
Туда, где сон касается земли.
Там, на краю всего, лежит блокнот,
Чтобы слова закончиться могли.

Слов в голове — что муравьев в траве,
Порядок их снаружи непонятен.
На карте их немало белых пятен,
Висит табличка: «Посторонним В.»

Мне голос был: даю тебе карт-бланш,
Иди, переворачивай планету.
— Она же круглая! — Альтернативы нету:
Бери реванш, переплывай Ламанш.

Опять на сцене хромоногий лорд,
За ограждением — вежливая давка.
Снимает смокинг, остается в плавках
И покидает наболевший порт.

Должно быть, интересно плыть вперед,
Когда другого берега не видно.
Душа при деле, телу не обидно:
Нога гребет, а голова поет.

Короткое дыханье — мой конек.
Едва отчала — уже хочу обратно:
Что в голове — снаружи непонятно.
Кто не рожден — тому не надо ног.

Большая ярмарка. Предметы и еда
Навалены во впечатляющие кучи.
Ворота в верхний мир закрыты навсегда,
И солнца мутный глаз с презрением зрит сквозь тучи

На свалку глупых тел, на заворот кишок,
Случившийся с утра у города большого.
Здесь что ни шаг — турецкий шик, культурный шок:
Восстание вещей, бессовестно дешевых.

Купи меня, купи! — орет магнитофон.
Купи меня, купи! — зывают мандарины.
Пластмассовый плафон, мобильный телефон,
Рубашек и носков роскошные смотрины.

И я как сквозь стекло смотрю на вещи те,
С деньгами расстаюсь легко и добровольно.
Петрополь умирал в прекрасной нищете,
В дешевой роскоши издохнет град престольный.

Рак изобилия, безбольная беда,
Съедает жизнь еда с чудовищным напором.
Пирует рай земной — тот рай, перед которым
Ворота в верхний мир закрыты навсегда.

На меня обижаются часто, и мне не впервой
В электронный свой адрес выслушивать злые нападки
И, за пазухой пряча горячий настрой боевой,
Ежечасно рискуя больной головой,
В коллективной песочнице ныкать совки и лопатки.

Еженощно рисуя все тот же узор на песке,
Ежедневно смываемый новым и новым приливом,
Не бояться ни яду в стакане, ни пули в виске,
Ни полета над пропастью на двухколесной доске,
Ни когтистого пенья за левым плечом торопливым,

Не бояться ни бабочки, ни Лао Цзы,
Ни того, кто за зеркалом прячется, чем-то похожий,
Ни кровищи, ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни лошадки, что лесом ведет Сноготок под уздцы,
Ни друзей Шварценеггера в темной прихожей,

Ни тарелок, ни вилок, ни цен в недомытом бистро
Ни квасных стихотворных кричалок в московском метро
Ни того, что соседи несущую стену повадились рушить
Ни того, что к штыку приравняли перо
Ни того, что тебе все трудней и трудней меня слушать

Трудно слушать — не слушай, а врать не мешай.
Дай поврать, сам поври, а мешать — это каждый умеет.
И другим дай послушать, за них не решай!
Есть возможность послушать, и ты их ее не лишай —
Вдруг они поумнеют?

МЕТРО

Оранжевый шлем или черный пояс
Но ждать не устанешь ты
Когда вожденный зеленый поезд
Появится из темноты

Когда накатается в сферах вышних,
Примчится, трубя трубой,
Откроет дверь и, выпустив лишних,
Тебя заберет с собой.

1

Игра оркестровых рыб
Глубокими облаками
Съедобного неба гриб
Скачи поперек ногами

Забудь о своем сурке
Забудь о своей тарелке
Ищи на своем курке
Следы былой перестрелки

Заснешь на голом полу
Вагона ли, ресторана
Проснешься в другом углу
Плюшевого дивана

Заснешь пока что ничей
Проснешься почти что чей-то
Без денег и без ключей
А кто не терял ключей-то

И лезет из-под пера
Как фунт развесного лиха
Шуршащая мишура
Сплошная неразбериха

И слово, как воробей,
Попавший в окно на кухню,
Мечется в голове,
Вспыхивает и тухнет.

2

Слово как воробей
В кухню твою влетевший
Мечется в голове
Будто бы в клетке тесной

Клетка ему претит
Ты ему не товарищ
Вылетит ли, влетит —
Разве его поймаешь

Вьется под потолком
Бьется, кричит, хлопчет
Ты не лови силком —
Может, само захочет

Тихо сиди, не тронь,
Дай ему успокоиться —
Пусть само на ладонь
Крошки клевать устроится.

ТЕМА С ВАРИАЦИЯМИ

Я не поэт, я переводчик.
Я в куче запятых и точек
Чужие буковки ищу.
Я сыновей чужих и дочек
В своем детсадике ращу.

Я и налетчик, и добытчик,
Есть у меня набор отмычек,
Я без перчаток никуда.
И я ни шагу без кавычек
Не совершаю никогда.

Я не поэт, я переводчик,
Я отомкну любой замочек,
В любую комнату войду.
Я отключу чужой будильник,
В чужой залезу холодильник
И там найду свою еду.

Я знаю адрес ваших нычек,
Я, точно воробьиный сычик,
Охочусь только по ночам.
Я заслужила кучу лычек
Благодаря чужим лучам.

И как мне весело при этом,
Светясь чужим заемным светом,
В высоком небе зависать
На зависть кой-каким поэтам,
Которым не о чем писать!

Я не поэт, я переводчик,
Не гений, не первопроходчик,
Не мной построен пароход.
Не мной Америка открыта,
Но гордое мое корыто
В мою Америку плывет.

Вдруг завзрагивал воздух
Тонкий мир поредел
И в реляциях грозных
Написали: предел

Пентаграммами грома
Завзрывался восток
Горизонтов знакомых
Не узнал городок

И гроза, как рюмашка
Разлилась по земли
И чабрец, и ромашка
Перед ней полегли

И пустырник, и стевия
И последний сорняк
И шептали деревья:
Пастернак! Пастернак!

Пастернака я вашего
Не читала сто лет
Но меня же не спрашивают
Выдавая билет

Пусть не волчий, как волку
И не белый как снег
Но на верхнюю полку
Угодил человек

И не надо завидовать
И сбиваться с пути
Все, Борис Леонидович,
Рыба, как ни крути

Кто стоит на поребрике
Кто — бессменным постом —
Голый, мокрый, серебряный
И виляет хвостом?

Это рыба Израиля
Рыба ранних крестин
Это друг мой израненный
Из своих Палестин

Пребывает в безвестности
Наливает стакан
Пеленгует окрестности
Пеликан-великан

От него не укроешься
Не укрыться никак
Даже если зароешься
Как последний хомяк

Лишь мелькнешь завитушкой
На хвосте у борзой —
Рыбой, птицей, лягушкой,
Пастернаком, грозой.

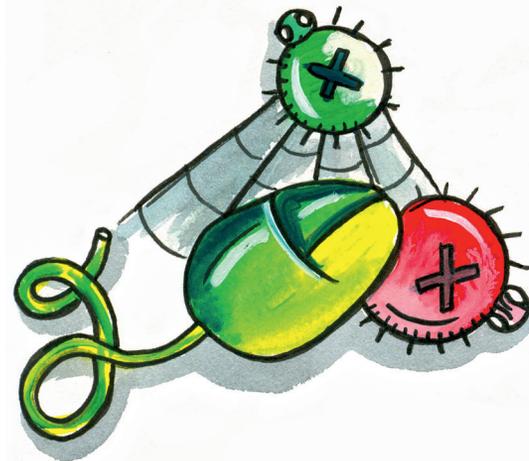
В комнату синяя светит луна
Беглая цель на дороге видна
Много на свете таких буратин
В ночь полнолуния каждый — один.

Я опять и опять возвращаюсь
В этот город с башней наклонной,
В этот мир, набитый вещами,
Керосиновый, поролоновый.

На горе, где ручьи журчали,
Мало места для всех желающих.
Значит, снова не спать ночами
От машин, друг на друга лающих.

И крутить кукольные шашни
У подножия этой башни,
Вечно падающей, но стабильной,
Словно утренний звук будильника.

БУРАТИНО И МАЛЬВИНА

Говорит Буратине Мальвина: давай жениться.
Сколько можно друг другу по разным поводам сниться,
У меня есть домик, а в нем очаг,
Не какой-нибудь нарисованный — настоящий.
Посмотри на себя, ты совсем ледащий,
Поживешь на моих харчах.

Буду жарить картошку, котлеты буду,
Обещаю сама даже мыть посуду
И сама выносить ведро.
Я не знаю, кого из нас даже жальче.
Посмотри на себя, ты уже не мальчик,
Сколько можно сидеть в бистро,

У друзей по сольдо стрелять на пиво?
Ты хотел жить красиво. И что, красиво —
В прохуdivшихся башмаках,
В рваной курточке, в колпаке линялом,
Чтоб полиция с лавок тебя гоняла
И свистели гопники на углах?

Посмотри на себя, ты совсем засушка,
У меня есть вышитая подушка,
Одеяло теплое и кровать.
Там отдельно кухня, отдельно спальня,
Будешь есть нормально и спать нормально,
Обещаю даже не приставать.

Отвечал Буратино подруге лучшей:
До чего же я, сука, у нас везучий —
Мне отлично, а всем хреново.
Вон Пьеро об стенку бьется годами,
А за мной все бабы ходят стадами,
Хоть беги от них, право слово.

Дорогая моя, я польщен и тронут.
У тебя, конечно, не евроремонт,
Да живем-то, чай, не в Европе.
Ты, конечно, уже не Мерлин Монро,
Но глядишься, в общем-то, не старó
(Тут он тянется хлопнуть ее по жопе).

У тебя уютно — тут не поспоришь.
Но, опять же, Пьеро — мой давнишний кореш,
Не хотелось бы с ним краями.
У тебя васильки, у меня крапива,
Так что дай-ка лучше сольдо на пиво,
И останемся мы друзьями.

Деревянному телу не страшен голод,
Да и вряд ли мой деревянный болт...
Словом, гусь свинье не товарищ.
А на улице нынче тепло, как летом.
Что ж ты плачешь, дура? неси котлету.
Ты отлично котлеты жарить.

Три несчастных копейки в холодную землю зарю
И из лейки полью, и глаза на минуту закрою
И представлю себе, что растет ботанический сад
И в саду том на дереве каждом, на каждом цветочке
Золотые монеты висят, словно яркие точки,
И, качаясь, тихонько звенят.

Ох, не каждый способен взрастить золотую монету!
Надо много страдать, не мешало бы сесть на диету,
Медитировать надо и в позах сидеть по утрам.
И тогда виноградной лозой закружится пространство,
И придет к тебе детство твое, и достанет из ранца
Золотого руна килограмм.

Золотое руно, золотой мой обещанный ключик,
Золотая забота, как выпустить время из ручек,
Перестать о нем думать, отправить в свободный полет.
Черепаша молчит, в золотом затаившись болоте,
У нее на горбу вся планета на автопилоте,
И на ней ботанический сад повсеместно растет.

ПРО ЛЮБОВЬ, ПОЖАЛУЙСТА

У Пьеро с Буратиной прекрасные отношения:
Друг для друга готовы терпеть лишения,
Вместе плакать и вместе пить.
А еще вот если бы не Мальвина,
Жить бы стало бы легче наполовину,
Просто было бы легче жить.

А Мальвина крутит хвостом, чертовка:
Послала бы обоих, да ей неловко —
Все же целая жизнь прошла,
Хоть не нажили ни ключа дверного,
Ни двора завалящего проходного,
Ни осинового кола.

Буратино ей нравится как мужчина,
А Пьеро — не очень, и в чем причина,
Невдомек даже ей самой.
Был еще Арлекин, шутовская морда,
Долго злился, скулил - и свалил из города,
А Мальвину не взял с собой.

Да и ладно, не очень-то и хотелось.
Прижилась ведь как-то же, притерпелась,
Ну, уехал, и черт с тобой.
Как ни выйдешь с пуделем Артемоном
Посидеть на лавочке под балконом —
Поздоровается любой.

Только эти черти уже задрали.
Как-то раз с Колпаком от Пьеро удрали,
Чисто в шутку, выпив бидон вина —
Так Пьеро затеял целую свару
И кричал полицейскому комиссару,
Что сбежала его жена.

А тому нипочем, деревянной сволочи,
Разве лишь иногда ухмыльнется молча,
Волю дав осиновою пятерне —
И обратно носом уткнется в кружку.
Я себе нашел, говорит, подружку,
И она, говорит, в вине.

А Пьеро, представьте, это не нравится.
Он-то знает, кто у нас тут красавица,
Не согласен — значит, козел.
И когда опьяненье сильнее лени,
Неизменно падает на колени
И пытается целовать подол.

Так и водят они хоровод привычный —
Деревянная кукла и две тряпичных,
Позабыли страшного с бородой.
Мы о них зачем-то все больше знаем,
И несется кругами с веселым лаем
Черный пудель, почти седой.

Папа Карло когда-то любил актрису.
Сохранилась фотка. Похожа на крысу.
Буратино слышит об этом с рождения,
Принимает как предупреждение.

Папа Карло стар, заскорузл, спокоен,
А послушать по голосу — чистый Коэн.
Он сидит на завалинке, курит трубку,
Иногда вспоминает свою голубку.

Буратино пьет домашнюю граппу,
Луковицей закусывает, ставит Заппу,
Чиполлине названивает по мобиле.
— О, Колпак! а я думал, тебя убили.

— Да какое убили — просто ездил в Пизу.
Собирался в Америку, не дали визу.
Не, Мальвину не видел. Говорят, залетела.
Ничего удивительного — давно хотела.

Наконец-то сумерки. Сверчки крепчают.
Буратино с папой решили выпить чаю.
Прометается Чиполлино с авоськой лука.
Летний вечер. Благословенная скука.

Скажу как Буратино Буратине:
Я вязну во всемирной паутине.
Сообщество всемирных пауков
Страшнее, чем нашествие сверчков.
Я враждовал когда-то со сверчками,
Кидался в них поленьями, сучками,
Но по сравнению с этой кодлой рвотной
Сверчок вообще полезное животное.
Вот раньше я вставал и шел в трактор,
Чтоб обсудить всемирные вопросы,
А нынче сузились мои запросы,
И все штаны просижены до дыр.
Я не курю, и я почти не пью,
Но почему-то недовольны бабы
И хором утверждают, что пора бы
Заняться спортом, завести семью.
Но я им докажу, что я не слабый,
И я в окошко выброшу компью...

1

Арлекин, шутовская морда
По Нью-Йорку шагает гордо
На работу каждое утро
Он теперь помощник компьютера
Тосковал он в своей Тоскане
И, как все, сидел на стакане
А теперь потребляет Прозак
Укрепляет кукольный мозг
Он настроен так позитивно
Что порой самому противно
Позади все послано нафиг
Впереди абсолютный nothing
Правда, здесь, на изнанке мира,
Нет такого вина и сыра,
Но зато нет и лишних мыслей
А ведь это насколько проще.

Позвони мне, Мальвина, по скайпу
Постучи мне, родная, по скальпу
Покажи ребенка носатого
От того Колпака полосатого
Расскажи, как он там нажрался
Как с Пьеро по ошибке подрался
Как потом угодил в ментуру —
В общем, всю эту
Литературу.

Пешка не ходит назад, а королева ходит
Пешка отводит глаза, а королева смотрит
Пешка не хочет под дождь, а королева хочет
Пешка залазит под зонт, а королева мокнет.

Пешка спасать бросается мокрую королеву
А королева ярится — нечего тут бросаться.
Она проливает на пешку стакан холодного гнева
Она вообще презирает само понятие — спасаться.

Пешка не знает счастья, пешка не знает горя
А королева знает, да разве от этого легче?
Но королева не знает, что пешка хочет на море
И королева не знает, что пешка бывает певчей.

Как-то решили проверить, сидя весной на дереве:
Вдруг я летать умею? А вдруг Я летать умею?
Прыгнула смело пешка — в траву завалилась первой.
Прыгнула королева — и грохнулась рядом с нею.

Гнутся над ними ромашки и мотыльки хлопчут,
Божьи сбежались коровки — переполох и спешка.
Дерево наклонилось, видит — лежат хохочут:
Пешка и королева, королева и пешка.

НА ПОСЕЩЕНИЕ МУЗЕЯ СОЦБЫТА В ГОРОДЕ КАЗАНИ

Я не хочу быть экспонатом
В музее имени себя
Где светлый лик мой распанахан
Вставною челюстью скрипя

По перекресткам сонных улиц
Где тополь коцаный растет
Пройду зевая и сутулясь
Как дождик серенький идет

Пройду почти что не хромя
Навеселе и налегке
С пустой авоською в кармане
С пятеркой в теплом кулаке

Пройду за хлебом, за салатом
За светлым пивом «ходовар»
Я не хочу быть экспонатом
Уж лучше ходовой товар

Пройду по лужам как по нотах
По вечерам и по утрам
По огородам, по дворам
По всем длиннотам и цейтнотам
По всем опасным поворотам
По головам, по головам.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
Мне неприятна эта кода
Я не хочу ее играть
Уж лучше буду обормотом
Космополитом, контрамотом,
Контрабандистом, вашу мать

И пусть патологоанатом
Ползет за нами с автоматом,
Стремясь увидеть на столе —
Я буду выражаться матом,
Куриль в предбаннике с медбротом,
И я не стану экспонатом
И препаратом на стекле.

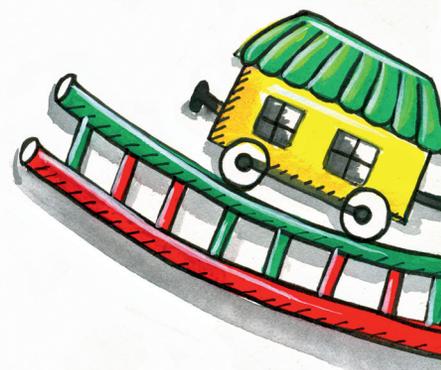
Мы поедем по рельсам, пока
Не настало бездушное лето
Чтобы выучить наверняка
Как устроена наша планета

Будем знать, что планета кругла
А на солнце имеются пятна
Есть, конечно, другие дела
Но о них вспоминать неприятно

По дороге несется вагон
Не стесняется прыгать на стыках
Люди спят попережку бегом
Чемоданы везде понатыкав

Я сижу и пишу свой дневник
Смазав пальцы железной отмазкой
Чтобы мир не пропал, а возник
Чтобы сделать событие сказкой

Чтобы то, что, казалось, прошло,
Возвратилось и встало на место
Чтобы стало тепло и светло,
И опять, и опять — интересно.

Не хочу быть столбовою дворянкой,
Не горжусь я славой мирскою,
Не хочу быть ни Умкой, ни Янкой,
А хочу быть травою морскою.

Оттого я тоскую и скучаю,
Что хочу быть корочкой хлебной,
Или чашкой горячего чаю,
Или маленькой таблеткой целебной.

И не знать ничего ни о свободе,
Ни о буковочках, ни о фрилаве,
Ни о разнице меж соулом и боди,
Ни о Боге, ни о сне, ни о яви,

Чтобы было меня настолько мало,
Чтобы мысли даже не возникало.

WITHOUT A NET

Мы работаем без страховки
Мы работаем без налоговой
И не то чтоб такие ловкие —
Просто хочется, чтоб не трогали
Просто тот, кто однажды сдался,
Каждый раз потом и ведется
Мы обходимся без государства —
И оно без нас обойдется

Литературно-художественное издание

Умка (Аня Герасимова)

Стишки для детей и дураков

Ответственный редактор МАКСИМ АМЕЛИН

Верстка: Стас Валишин

Объединенное гуманитарное издательство

109028, Москва, М. Трехсвятительский пер., д. 3а, стр. 1

Факс/тел.: +7 (495) 626-24-70; e-mail: izdatelstvo.ogi@yandex.ru

Книги издательств ОГИ и Б.С.Г.-Пресс можно приобрести:

в розницу в Москве

- Книжный магазин «Москва», м. «Пушкинская», «Тверская», ул. Тверская, д. 8. Тел.: (495) 629-64-83, 797-87-17.
- ТД «Библио-Глобус», м. «Лубянка», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1. Тел.: (495) 781-27-37.
- Московский дом книги, м. «Арбатская», ул. Новый Арбат, д. 8. Тел.: (495) 789-35-91.
- Дом книги «Молодая Гвардия», м. «Полянка», ул. Большая Полянка, д. 28. Тел.: (495) 238-50-01.
- Книжный магазин «Фаланстер», м. «Пушкинская», «Тверская», Малый Гнездниковский пер., д. 12/27. Тел.: (495) 629-88-21.
- Сеть магазинов «Республика». Тел.: (495) 251-65-27.

в розницу в Санкт-Петербурге

- Санкт-Петербургский Дом книги, м. «Невский проспект», «Гостиный двор», Невский проспект, д. 28. Тел.: (812) 448-23-55.
- Сеть магазинов «Буквоед». Тел.: (812) 601-0-601.
- Книжный магазин «Все свободны», наб. Мойки, 28. Тел.: +7 (911) 977-40-47.

оптом

- КД «Б.С.Г.-Пресс», Москва, М. Трехсвятительский пер., д. 3а, стр. 1. Тел. (495) 626-24-72; +7 (915) 110-36-50.
- «А. Симпозиум», Санкт-Петербург, 20-я линия В. О., д. 5/7. Тел. (812) 325-66-61.

Наши книги в электронном формате можно найти по адресу:

www.bibliorossica.com/publishers.html

Подписано в печать 31.07.12. Формат 90×100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Банниковская.

Печать офсетная. Объем 4 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ №